Ответственность третьего лица за вмешательство в договорные отношения. Иностранный опыт и российские перспективы

Александр Чупрунов,
магистр РШЧП'2018

Ведущие иностранные правопорядки прошли длинный путь к признанию существования такого деликта, как вмешательство в договорные отношения, и выработке единообразных условий привлечения к ответственности.

Вопрос ответственности за совершение экономических деликтов в российской юридической науке остается неразработанным, но практика постепенно начинает нащупывать ориентиры, в том числе по вопросам об ответственности третьего лица за вмешательство в договорные отношения. В таких условиях полезно ознакомиться с воззрениями западных ученых и ключевыми позициями судов, которые в кратком виде представлены в данной работе.

Первые шаги в сторону привлечения к ответственности интервента

Анализируя вопрос целесообразности привлечения к ответственности за вмешательство в договорные отношения, В. Палмер (V. Palmer) подчеркивает, что проблема вмешательства в договорные отношения существует многие века и уже в феодальные докапиталистические времена существовало определенное регулирование, направленное на запрет подобных действий[1].

Изначально в Англии и Франции боролись с проблемой вмешательства в договорные отношения за счет публично-правовых мер. Статут о работниках (*Statute of Labourers 1347*)[2] и Ордонанс 1350 года (*Ordinance on the Police of the Kingdom 1350*)[3] предусматривали запрет на переманивание чужих работников с санкцией в виде штрафа.

---

[1] *Palmer V.* Historical Origins of the Civilian Action Against Interference with Contract Rights in France: Louisiana Perspective on a Road Not Taken // Tulane Civil Law Forum. 1991–1992. Vols. 6/7. P. 132 (http://journals.tulane.edu/index.php/teclf/article/download/1403/1272).

[2] *Baker J.* An Introduction to English Legal History. 3rd ed. London; Charlottesville, VA, 1990. P. 520.

[3] *Palmer V.* Op. cit. P. 147.

Впоследствии во Франции был принят Статут о договорах с подмастерьями (*Law Relative to Contracts of Apprenticeship 1851*)[4], согласно которому «любой производитель, директор фабрики или работник, который подговорит подмастерья, чтобы заключить с ним договор, покинуть своего работодателя, может быть привлечен к ответственности в виде выплаты убытков первоначальному работодателю подмастерья».

Во Франции существовали гильдии ремесленников (корпорации), которые осуществляли свою деятельность исходя из эксклюзивности на определенной территории и протекционизма собственного производства на этой территории. Каждый работник имел строгое прикрепление и не мог просто перейти в другую гильдию. Фактически именно после распада такого полузамкнутого экономического режима и разрушения системы гильдий не осталось прежних социальных регуляторов конкурентных отношений. Капиталистические отношения породили значительную свободу передвижения и труда. Более гибкое к субъективным интересам частноправовое регулирование заменяет публично-правовое, созданное еще с учетом прежних экономических отношений. Теперь решение проблемы вмешательства третьего лица в договорные отношения происходит по большей части с помощью гражданско-правовых мер[5].

Английское дело о певице, которую переманили

Деликт в его современной форме сформировался при рассмотрении известного английского дела *Lumley v. Gye*[6]. Разбирательство состоялось между двумя владельцами театров. Истец заключил соглашение с певицей, согласно которому исполнительница должна была выступать только в его театре. Конкурент предложил певице более выгодное предложение, согласившись оплатить за нее неустойку за расторжение первоначального соглашения. Как утверждал ответчик, английское право ранее не знало такого основания для привлечения к деликтной ответственности, в связи с чем в иске необходимо отказать. Судьи не согласились с озвученными доводами и вынесли решение в пользу истца, создав по сути прецедент негативной оценки вмешательства интервента. Интересно, что у каждого судьи, проголосовавшего за удовлетворение иска, была своя аргументация в пользу такого решения. Один судья исходил из применения деликтной ответственности за подстрекательство работника. Речь идет о расширении области применения деликта, ответственность по которому наступала за то, что интервент предлагал работнику расторгнуть трудовой договор со своим работодателем и подписать его с делинквентом[7]. Второй судья обосновал свою позицию ссылкой на то, что договорное субъективное право представляет собой своего рода имущество и должно защищаться соответствующим образом, когда кто-либо на него посягает[8]. Третий судья частично полагался на расширение области

[4] *Palmer V.* Op. cit. 148.

[5] Ibid. P. 151; более того, в некоторых странах, например в Англии, гражданско-правовые институты призваны заменить отсутствующий механизм запрета недобросовестной конкуренции (см.: *Weir T.* Chaos or Cosmos? Rookes, Stratford and the Economic Torts // Cambridge Law Journal. 1964. Vol. 22. Issue 2. P. 225).

[6] (1853) 2 E. & B. 216, 22 L.J.Q.B. 463.

[7] Ibid. P. 471.

[8] Ibid. P. 472.

применения деликта за подстрекательство работника, частично – на идею о необходимости возмещения вреда в любом случае, когда лицу причинен вред в результате противоправного поведения[9].

Французское дело об одном дизайнере и двух кутюрье

Во Франции рассматривалось дело *Doeuillet v. Raudnitz*[10]. Дизайнер ушла от одного кутюрье к другому. Последний, зная о существующем договоре, повысил работнице заработную плату в сравнении с той, что ей полагалась по предыдущему соглашению, и пообещал возместить договорную неустойку за нарушение договора. Суд привлек его к ответственности со следующей мотивировкой: «Ответчик не может нарушить договор, будучи посторонним лицом в отношении него, но привлекается к ответственности за квазиделикт, совершенный намеренно и приведший к нарушению договора». Ответственность была возложена в соответствии с генеральным деликтом по ст. 1382 ФГК.

Американское дело о шантаже работодателя профсоюзом

Необходимо обратить внимание на основание для привлечения к ответственности, которое американский суд привел в деле *Walker v. Cronin*[11]. Суть спора такова: профсоюз угрожал истцу, что если тот не заплатит определенную сумму, то организация подговорит всех работников, связанных с истцом, расторгнуть с ним трудовые договоры. Принимая позицию истца в данном деле, суд не увидел ничего квазиимущественного в субъективном праве, вытекающем из договора, а вместо этого применил уже высказанную ранее идею о том, что в любом случае, если причинен вред правонарушением со стороны делинквента, истец имеет право взыскать убытки, однако с важным уточнением, что «умышленное, намеренное причинение вреда другому без каких-либо правомерных оснований для этого само по себе составляет правонарушение»[12].

Американское дело о взыскании миллиардов долларов за перехват акций

Позиция о том, что любой причиненный вред по общему правилу должен быть возмещен, возобладала в США при составлении Первого свода норм деликтного права (*Restatement (First) of Torts*), работа над которым закончилась в 1939 году. Согласно Первому своду норм деликтного права, деликтная ответственность наступала за умышленное вмешательство в договорные отношения, повлекшее причинение вреда[13]. Как пишет М. Герген, впоследствии данная идея стала восприниматься не столько как правовой принцип, сколько как общесоциальная аксиома, которая влияет на со-

[9] (1853) 2 E. & B. 216, 22 L.J.Q.B. 473–476.

[10] Cass. Civ., 27 May 1908, D.1908.I.459, S. 1910.I.118.

[11] 107 Mass. 555 (1871).

[12] Ibid. P. 562.

[13] Restatement (First) of Torts, § 766.

держание правовых норм, следовательно, деликт за вмешательство третьего лица в договорные отношения может быть использован как инструмент, позволяющий расширить правовую защиту и обеспечить таковой новые или старые, но нуждающиеся в дополнительном покровительстве отношения[14].

Отдельно стоит упомянуть резонансное американское дело *Pennzoil v. Texaco*[15]. Хотя привлечение интервента и состоялось за вмешательство на преддоговорной стадии (нужно отметить, что в США одинаково защищаются экономические интересы как уже при заключенном договоре, так и на этапе переговоров – так называемые договорные ожидания), это не является препятствием для анализа дела с точки зрения вмешательства в договорные отношения, так как, согласно американскому праву, условия для наступления ответственности при вмешательстве в обе группы отношений одинаковы[16]. Истец утверждал: несмотря на то что договор о продаже акций по факту не был заключен в нужной форме, преддоговорные интересы заявителя подлежат защите от вмешательства интервента, который «перехватил» акции. Дело является классическим примером вмешательства, однако в историю оно вошло в связи с невероятным размером присужденных штрафных убытков. Помимо убытков, начисленных в размере 7 млрд долларов, с ответчика были взысканы штрафные убытки в размере 3 млрд долларов. В апелляционной инстанции размер штрафных убытков был снижен до 1 млрд. После этого решения в американском правовом сообществе вновь возникли разговоры об избыточности деликтной защиты договорных отношений. Однако опыт других правопорядков подсказывает, что при взвешенной позиции и разумном балансе условий, влекущих деликтную ответственность за вмешательство в договорные отношения, данный институт справляется с задачей обеспечения защиты гражданских прав и пресечения недолжного поведения.

В целом при выяснении вопроса о противоправности поведения интервента иностранные правопорядки учитывают то, что считается в обществе аморальным, какие отношения заслуживают защиты, какого рода мотивы могут оправдывать причинение вреда, и роль действий интервента с точки зрения поддержания разумной конкуренции в обороте.

Большинство правопорядков признает, что для привлечения интервента к деликтной ответственности необходимо, чтобы делинквент действовал умышленно, а совершение вмешательства по неосторожности не квалифицируется как деликт.

Допускается взыскание с интервента реального ущерба и упущенной выгоды. Взыскание убытков с должника в полном объеме делает невозможным удовлетворение требования к делинквенту, что еще раз подчеркивает единоначалие наступающей для них ответственности и ее связанность именно с причинением вреда договорным отношениям.

---

[14] *Gergen M.M.* Tortious Interference: How It Is Engulfing Commercial Law, Why This Is Not Entirely Bad, and a Prudential Response // Arizona Law Review. 1996. Vol. 38. P. 1218 (https://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1887&context=facpubs).

[15] 729 S.W.2d 768 (Tex. App. 1987); подробный анализ см.: *Кучер А.Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005. С. 293.

[16] *Weir T.* Economic Torts. Oxford, 1997. P. 63.

Состояние вопроса в российском правопорядке

В российском правопорядке на доктринальном уровне озвучиваются идеи в пользу активного использования института ответственности интервента за незаконное вмешательство.

А.Г. Карапетов указывает на то, что относительные правоотношения имеют ценность для правопорядка не меньшую, чем абсолютные, потому заслуживают защиты от произвольных вмешательств всех участников оборота. Таким образом, А.Г. Карапетов обосновывает необходимость развития рассматриваемого института в российском праве, подчеркивая, что отсутствует непреодолимые теоретические препятствия для защиты договорных прав модели абсолютной защиты[17].

С.А. Синицын высказывается в том же духе, подчеркивая, что абсолютная защита никаким образом не свидетельствует об абсолютном характере защищаемого объекта. Ответственность интервента за вмешательство в договорные отношения не значит, что эти договорные отношения приобрели абсолютный характер[18].

Как пишет О.В. Гутников, то, что деликтная ответственность третьего лица не наступает за неисполнение обязательства (это действительно так, поскольку нарушить обязательство неисполнением может только должник в обязательстве), еще не означает, что она не может наступать за причинение третьим лицом вреда относительным правам.

Третье лицо непосредственно не может нарушить обязательство его неисполнением, но оно может нарушить относительное право косвенно, путем воспрепятствования исполнению обязательства должником или осуществления действий, которые делают исполнение обязательства невозможным либо умаляют ценность имущественного права для кредитора[19].

Р.С. Бевзенко, разбирая некоторые вопросы обеспечения исполнения обязательств, отмечает, что в российском праве может реализовываться доктрина недобросовестного вмешательства в отношения, в частности из обеспечительных договоров[20].

С.А. Синицын указывает, что действия интервента являются недобросовестными и противоправными, недостойными покровительства и защиты гражданским правом, поскольку они не только причиняют имущественный вред прежнему кредитору, но и колеблют, умаляют авторитет и руководящее значение основополагающего

---

[17] *Карапетов А.Г.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 11. С. 29–31.

[18] *Синицын С.А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15. № 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

[19] *Гутников О.В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1 (СПС «КонсультантПлюс»).

[20] Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017. С. 220, 272, 320 (автор комментария к ст. 329, 335, 342.1 – Р.С. Бевзенко).

принципа договорного права об обязательности условий заключенного договора, надлежащего исполнения принятых договорных обязательств[21].

Таким образом, в современной российской доктрине выражаются мнения о допустимости защиты прав, вытекающих из договорных отношений, путем предоставления истцу возможности обращаться к интервенту с деликтным иском.

К сожалению, на правоприменительном уровне в России пока не встречаются судебные дела, в которых действия интервента были бы сочтены противоправными и влекущими наступление ответственности недобросовестного третьего лица.

Из данного краткого обзора видно, что в целом в иностранных правопорядках давно пришли к пониманию того, что при определенных обстоятельствах правопорядок должен негативно реагировать на вмешательства третьих лиц в чужие договорные отношения. Отечественная доктрина должна откликнуться на запрос практики и подробно разобрать вопросы условий ответственности и последствий вмешательства.

[21] *Синицын С.А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 518.